

Джойс

Мне так хочется, чтобы опять произошло что-нибудь волнующее. Все равно что.

Может, пожар, но чтобы без пострадавших? Только пламя и пожарные машины. Мы соберемся поглазеть, прихватив термосы, а Рон будет выкрикивать советы пожарным. Или пускай у кого-нибудь случится роман, это было бы весело. Желательно у меня, но я не жадная, лишь бы роман был скандальный, — например, с большой разницей в возрасте, или чтобы кому-то в итоге пришлось заменять бедренный сустав. Либо роман между геями. У нас в Куперсчейзе их пока нет, но, по-моему, все обрадовались бы. Либо чтобы чей-то внук угодил в тюрьму. Либо наводнение, но чтобы нас не залило. Вы понимаете, что я имею в виду?

Как подумаешь, сколько народу в последнее время умерло, трудно снова пойти слоняться по садовому центру или пересматривать старые эпизоды «Таггерта»*. Хотя «Таггерт» я люблю.

Когда я работала медсестрой, пациенты то и дело умирали. Так и валялись направо и налево. Не подумайте чего, я никого не убивала, хотя мне это было бы просто проверить. Проще, чем врачам. Врачей постоянно

---

* «Таггерт» (англ. Taggart) — шотландский детективный телесериал, который транслировался в Британии с 1983 по 2010 год. *Прим. ред.*

проверяют. Может, в наше время проверяют всех, но, ручаюсь, подобное и сейчас можно устроить, случись подходящее настроение.

Ибрагим не хочет, чтобы я заводила собаку, но я уверена: он передумает. Оглянуться не успеем, как только о собаке и будет говорить. И первым запишется в очередь ее выгуливать. Жаль, что у меня не дошли руки до Ибрагима лет тридцать назад.

Прямо у границы с Сассексом находится центр спасения животных, и кого там только нет. Помимо обычных кошек и собак есть еще ослики, кролики, морские свинки. Никогда не подумала бы, что морские свинки нуждаются в спасении, но, как видно, бывает и такое. Время от времени в нем нуждаются все, так почему бы и не морские свинки? А вы знали, что в Перу их едят? В шоу «Шеф-повар» на днях рассказывали. Просто упомянули, никого не ели.

В приюте много собак из Румынии — их спасают и привозят сюда. Не знаю, как их доставляют, надо будет спросить. Вряд ли набивают собаками самолет. Или большой фургон. Наверное, нашли способ. Рон уверяет, что они лают с иностранным акцентом, но Рон есть Рон!

Мы изучили сайт этого центра спасения, и, честное слово, надо видеть этих собак. Я положила глаз на песика, которого зовут Алан. В характеристике написано: «Терьер, порода неизвестна». Я, как увидела, подумала: и я такая. Алану шесть лет; специалисты говорят, что не стоит менять имена питомцам, ведь они привыкают, но я, как бы на меня ни давили, не стану звать собаку Аланом.

Может, уговорю Ибрагима свозить меня на той неделе. Он в последнее время стал заядлым автомобилистом.

Завтра даже в Файрхэвен собирается. Сразу вылез из своей раковины, как тут начали всех убивать. Ездит туда, сюда и повсюду, будто он Мюррей Уокер*.

Я все думаю, отчего Элизабет за обедом была в таком странном настроении. Слушала и не слышала. Может, что-то со Стефаном? Помните, это ее муж? Или все еще не оправилась после смерти Пенни? Так или иначе, мысли ее чем-то заняты, и уходила она с обеда с какой-то целью. Кому-то это не сулит добра. Одна надежда, что не нам с вами.

Еще я вяжу. Да, можете себе представить!

Я разговорилась с Дейдрой из «Болтливых спиц». Ее муж был французом, но его уже нет в живых — кажется, упал с лестницы, хотя, может, и рак, не припомню. Дейдра вязала маленькие браслетики дружбы для благотворительности и дала мне схему. Они вяжутся в разных цветах — зависит от того, кому вы хотите подарить. Люди платят за них сколько считают нужным, а все деньги идут на благотворительность. Я в свои добавляю пайетки. В схеме пайеток нет, но у меня в ящике завалилось немножко с незапамятных времен.

Я связала красно-бело-голубой браслетик для Элизабет. Это была моя первая попытка, и вышло кривовато, но она отреагировала довольно мило. Я спросила, в какую благотворительную организацию передать ее деньги, и она назвала «Жить с деменцией»; это наш самый откровенный разговор о Стефане за все время знакомства. Не думаю,

---

* Мюррей Уокер — английский журналист, один из наиболее известных комментаторов гонок «Формулы-1». *Прим. ред.*

что она сумеет долго хранить это в себе: деменция идет напролом, и обратного хода у нее нет. Бедная Элизабет. И конечно, бедный Стефан.

Еще я связала браслет дружбы для Богдана. Желтый с синим — по ошибке я решила, что это цвета польского флага. Богдан говорит, что польский флаг красный с белым, и, надо отдать ему должное, он знает точно. Он спросил, не перепутала ли я со шведским, — да, очень может быть. Джерри меня поправил бы. Джерри, как всякий хороший муж, знал наизусть все флаги.

Вчера я видела Богдана с этим браслетом. Он шел на стройплощадку, помахал мне, а на руке у него был браслет — поверх татуировки с бог знает чем. Понимаю, это глупо, но я до сих пор улыбаюсь. Пайетки засияли на солнышке, и я тоже.

Элизабет свой пока не носит, но я ее не виню. Нам с Элизабет для подтверждения дружбы браслеты не требуются.

Вчера ночью мне приснился дом, где мы с Джерри жили после свадьбы. Мы открыли дверь и обнаружили новую комнату, которую раньше не видели, и затем долго обсуждали, как ее обставить.

Не знаю, сколько лет было Джерри в моем сне, я просто знала, что это Джерри; я же выглядела так, как сейчас. Два человека, которые в реальности никогда не встречались, касались друг друга, смеялись, строили планы: здесь поставим цветочный горшок, там — кофейный столик. Столько любви.

Когда я проснулась и вспомнила, что Джерри ушел, мое сердце снова разбилось. Я плакала и плакала. Если бы все

утренние слезы в этом месте были слышны, подозреваю, это походило бы на птичий гомон.

ГЛАВА 4

Еще один славный осенний денек, но воздух покусывает щеки, напоминая, что не так уж много осталось славных деньков. За углом поджидает зима.

На часах — три, и Элизабет несет букет Маркусу Кармайклу. Покойному. Утопленнику — внезапно ожившему, представьте себе, и поселившемуся в Рёскин-корте, 14. Мужчина, которого у нее на глазах опустили в могилу в Хэмпшире, теперь распаковывает коробки и мучается с настройкой вай-фая.

Она проходит «Ивы» — хоспис Куперсчейза. Пока там лежала Пенни, Элизабет заходила туда каждый день — просто посидеть, поболтать, обсудить какую-нибудь интригу и посплетничать со старой подругой, не зная, слышит ли та ее.

Однако Пенни больше нет.

Ночи постепенно удлиняются, и солнце уже опускается за деревья на вершине холма, когда Элизабет добирается до Рёскин-корты и звонит в номер 14. Ничего не происходит. Короткое ожидание, и ее впускают.

Во всех зданиях работают лифты, но Элизабет, пока может, ходит по лестницам. Лестницы помогают сохранить подвижность коленных и бедренных суставов. К тому же в лифте легко убить человека, когда открываются двери. Бежать некуда, спрятаться негде, да еще сигнал

предупреждает о вашем прибытии. Не то чтобы она опасалась убийц, здесь ничего такого не ожидаешь, но жизненные уроки забывать не стоит. Элизабет никого никогда не убивала в лифте. Однажды в Эссене она видела тело, которое сбросили в лифтовую шахту, но это другое.

На лестничной площадке она поворачивает налево, перекладывает букет в левую руку и стучит в дверь с номером 14. Кто откроет? Что за история? Стоит ли ей волноваться?

Дверь отворяется, и она видит очень знакомое лицо.

Нет, не Маркус Кармайкл, да и откуда бы ему взяться? Но, конечно, этому человеку имя Маркуса Кармайкла знакомо. И известно, что оно привлечет ее внимание.

Да, пожалуй, волноваться ей стоило.

Мужчина красивый и загорелый, песочного цвета волосы с проседью еще крепко держатся на голове. Она и раньше догадывалась, что лысина ему не грозит.

Как вести с ним игру?

— Маркус Кармайкл, я полагаю? — осведомляется Элизабет.

— Да, и я так полагаю, — отвечает мужчина. — Рад тебя видеть, Элизабет. Эти цветы для меня?

— Нет, я просто хожу с цветами, чтобы обратить на себя внимание, — усмехается Элизабет и, когда он провожает ее в комнату, вручает букет.

— Правильно, правильно. Тем не менее я поставлю их в воду. Садись, почувствуй себя как дома.

Он скрывается на кухне.

Элизабет осматривает квартирку. Голо: ни картин, ни украшений, ни единой финтифлюшки. Никаких признаков, что сюда кто-то «въехал». Два кресла — оба такие,

что уже не жалко выбросить, стопка книг на полу, лампа для чтения.

— Мне нравится, как ты обставил квартиру, — говорит Элизабет в сторону кухни.

— Не я выбирал, милая, — отвечает мужчина, возвращаясь в комнату с цветами в чайнике. — Смееу сказать, что приспособлюсь, но планирую все же не задерживаться надолго. Могу я предложить тебе вина?

Он ставит чайник на подоконник.

— Да, пожалуйста.

Элизабет опускается в кресло. Что происходит? Зачем он здесь? И чего хочет от нее сейчас, столько лет спустя? Чего бы ни хотел, это повод для беспокойства. Комната не обставлена, жалюзи закрыты, на двери спальни — висячий замок. Номер четырнадцать в Рёскин-корте выглядит как конспиративная квартира.

Но с чем это связано?

Мужчина возвращается с двумя бокалами красного вина.

— Ты пьешь «Мальбек», если не ошибаюсь?

Элизабет берет у него бокал, и мужчина садится в кресло напротив.

— Не ошибаешься. Какое достижение — не забыть сорт вина, которое я пила в течение всех тех двадцати с лишним лет, что мы общались!

— Мне скоро семьдесят, милая. В мои годы помнить хоть что-нибудь — действительно достижение. Твое здорье! — Он поднимает бокал.

— И твое. — Элизабет поднимает свой. — Много лет прошло.

— Очень много. Но Маркуса Кармайкла ты не забыла.

— Довольно ловкий ход.

Маркус Кармайкл — призрак, порожденный Элизабет. Она была специалистом по этой части: вымышленное лицо, придуманное только для того, чтобы передавать секреты русским. Человек с прошлым, созданным из поддельных документов и постановочных фото. Несуществующий агент, который передает врагу несуществующие секреты. Когда же русские подобралась поближе, желая получить от нового источника побольше, пришло время убить Маркуса Кармайкла. «Одолжить» не востребовавшийся труп из лондонской учебной больницы и похоронить его на хэмпширском кладбище, пригласив молодую машинистку из своих сыграть вдову с заплаканными глазами. И вместе с ним похоронить ложь. Так Маркус Кармайкл стал покойником, не родившись.

— Спасибо, я подумал, что тебя это позабавит. Выглядишь ты хорошо. Прекрасно выглядишь. Как... дай бог памяти... как Стефан? Твой нынешний муж?

— Давай не будем? — вздыхает Элизабет. — Лучше прямо скажи, зачем ты здесь?

Мужчина кивает:

— Конечно, Лиз. Прямой разговор экономит время. Но все-таки — Стефан?

Элизабет задумывается о Стефане. Она оставила его дома, перед работающим телевизором, и надеется, что сейчас он дремлет. Она предпочла бы поскорее вернуться к нему, сесть рядом, чтобы он ее обнял. Она не хочет сидеть здесь, в этой пустой квартире с этим опасным мужчиной. Мужчиной, который убивал у нее

на глазах. Не то приключение, на которое она сегодня рассчитывала. Ей бы Стефана с его поцелуями или Джойс с ее собачками.

Элизабет делает еще глоточек вина.

— Полагаю, ты чего-то хочешь от меня? Как всегда.

Мужчина разваливается в кресле.

— Ну да, пожалуй, что хочу. Не слишком обременительная просьба — в сущности, тебя это может даже развлечь. Помнишь, как мы развлекались, Элизабет?

— Мне здесь достаточно местных развлечений, но все равно спасибо.

— А, да, я слышал. Трупы и так далее. Прочел все досье.

— Досье? — переспрашивает Элизабет. Внутри у нее что-то обрывается.

— О, ты расшевелила Лондон, прося людей о разнообразных одолжениях в последние пару месяцев. Финансовые документы, отчеты судмедэкспертизы, даже отставного патологоанатома, кажется, вызвала — раскапывать кости? И думала, это пройдет незамеченным?

Элизабет понимает, как была близорука. Она действительно просила кое-кого о помощи в расследовании смерти Тони Каррана и Яна Вентама, которое затеял их Клуб убийств по четвергам. И в опознании еще одного трупа, захороненного в могиле на холме. Могла бы догадаться, что кто-то где-то берет все на заметку. Нельзя попросить об услуге просто так, безвозмездно. Чем же придется расплачиваться?

— Что тебе от меня нужно? — спрашивает она.

— Всего лишь услуги няньки.

— При ком?

— При мне.

— Зачем тебе нянька?

Мужчина кивает, отпивает вина и наклоняется к ней:

— Дело в том, Элизабет, что я, кажется, вляпался в неприятности.

— Некоторые вещи никогда не меняются, да? Почему бы тебе не рассказать мне об этом?

В замке бряцает ключ, дверь распахивается.

— В кои-то веки вовремя, — говорит мужчина. — Вот она как раз и поможет мне с рассказом. Познакомься с моей укротительницей.

В комнату входит Поппи — новая официантка из ресторана. Она кивает обоим:

— Сэр. Мэм.

— Ну, многое становится понятным, — отмечает Элизабет. — Надеюсь, Поппи, оперативница из вас лучше, чем официантка.

Поппи краснеет.

— Боюсь... честно говоря, не уверена. Но между нами троими: я думаю, даже если завалим дело, нам ничего не грозит.

Опыт Элизабет подсказывает ей, что все тайное рано или поздно становится явным. Поппи отодвигает в сторону чайник с цветами.

— Красивый букет. — И усаживается на подоконник.

— От кого именно не грозит? — уточняет Элизабет.

— Позволь, я начну с самого начала, — говорит мужчина.

— Будь добр, Дуглас, — соглашается Элизабет и допивает свое вино. — Мужем ты был кошмарным, но истории всегда рассказывал замечательно.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Mifbooks

Mifbooks

Mifbooks